

РЕДКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА (заметки о хазарско-венгерском искусстве)

Рассматриваются уникальные находки эпохи Хазарского каганата (IX – начало X в. н.э.). Это круглая накладка с изображением всадника (охотника), на левой руке которого показан ястреб. Сравнение с другими изображениями всадников на серебряных чашах и блюдах, датированных IX–X вв., показало, что данный рисунок выполнен венгерским художником в IX в. Можно предположить, что на накладке изображен реальный человек, а не условный персонаж. Детали одежды и снаряжения коня имеют абсолютные археологические соответствия. Всадники изображены еще на нескольких изделиях. Это наклейки на сумочку, изготовленные хазарским ремесленником. На одной из них имеется изображение фантастического всадника. Конные охотники показаны на уникальном серебряном сосуде X в. Сюжет очень близок рисунку на накладке с всадником, но изображения на сосуде очень реалистичны. При этом отличаются даже детали конского снаряжения. Этот сосуд из Хазарии, возможно, изготовлен ювелиром из Согда в конце IX – 1-й половине X в. Учитывая другие находки, которые можно связать с Хазарией, например костяные наклейки с изображением дракона из Шиловского кургана, можно предположить, что часть художественных изделий Хазарского каганата были изготовлены ювелирами Согда.

Ключевые слова: археология, Великая Венгрия, хазары, Хазария, Хазарский каганат, Урал, Волга, средневековое искусство.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-05

Тема угорских древностей, занимавшая научный мир в последней трети XX в. [Руденко, 2014, с. 514–518] и ставшая предметом достаточно острых дискуссий в археологии Урало-Поволжья [Пастушенко, 2011, с. 144–150], к концу первого десятилетия XXI в. постепенно перешла в фазу «позиционной войны», поскольку как сторонники, так и противники «глобального угорского мира» Сибири и Поволжья в древности и средневековье, по сути, исчерпали аргументы и непоколебимо остаются на своих позициях. Привлечение новых данных, способных вдохнуть новую жизнь в эту проблему, происходит очень медленно и касается некоторых отдельно взятых сторон [Руденко, 2013, с. 58–74]. Тем не менее тезис о продвижении угорских племен в VIII–IX вв. из Предуралья на запад не вызывает сомнений, поскольку является фактом историческим, имеющим веские документальные основания, в том числе и археологические. В отношении последних можно констатировать, что прослежены явные параллели в материальной культуре венгров в Паннонии эпохи «Обретения Родины» и археологических памятников Волго-Камья и Башкирского Предуралья VIII–IX вв., там, где некоторые исследователи локализовали так называемую «Великую Венгрию», упоминаемую в письменных источниках XIII в., хотя в X в. осведомленные авторы, писавшие об истории мадьяр [Багрянородный, 1989, с. 159], ее не отмечали.

Существенным вкладом в изучение древностей этого «переходного периода», когда мадьярские племена двигались на запад, стали исследования Н.В. Федоровой и публикация ею новых материалов, хранящихся в музеях Западной Сибири [Сокровища..., 2003]. В числе редких артефактов средневековой эпохи, известных в настоящее время, являются находки изделий «венгерского круга», датированных преимущественно IX в. и связываемых с территорией Предуралья и Южного Урала. Правда, ареал их распространения шире – их находят в Прикамье, на Урале и Западной Сибири (При-

объе). К такого рода изделиям стоит отнести несколько уникальных изделий. Первое из них – орнаментированная накладка диаметром 12 и высотой 0,8 см, выполненная из серебра с позолотой (рис. 1), из собрания Фонда Марджани (Москва) (ФМ, инв. №Им/м-397). Точное место находки ее, к сожалению, не известно. Накладка выполнена из тонкого листа металла, имеет полусферическую форму с небольшим бортиком по краю. На бортике и по краям выпуклой поверхности пробиты сквозные отверстия: три – в верхней части и одно – в нижней, самое крупное из которых – около 2 мм. Все орнаментальное поле накладки занимает изображение всадника на позолоченном фоне, обработанном канфарником. Судя по обратной стороне изделия (рис. 2), его заготовка при нанесении рисунка была помещена на какую-то мягкую основу – наковальню, приспособленную для чеканки.

Рис. 1. Полусферическая накладка с изображением всадника. Предуралье (?), IX в.
Серебро, выколотка, чеканка, позолота (по: [Путешествие..., 2016, №254])

Изображенный на накладке наездник сидит в седле (виден край задней луки), под который подложен потник с вышитым (?) краем (рис. 3). Его ноги упираются в стремя арочной формы (заметен ремень путилища), с прямой подножкой и с прорезью для ремня, скорее, в верхней части арки. Стремента такого типа достаточно широко распространены на памятниках IX–X вв., например в Бекешевских курганах на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 59, рис. 31.-23].

Рис. 2. Полусферическая накладка с изображением всадника. Обратная сторона

Рис. 3. Полусферическая накладка с изображением всадника.
Деталь. Нижняя часть накладки

Лошадь (см. рис. 1) имеет маленькую голову, явно непропорциональную в соотношении с туловищем животного. Холка высокая, спина седлистая мягкая, живот поджарый. По внешнему виду лошадь может быть отнесена к степным породам, например к башкирской [Ливанова Т., Ливанова М., 2006, с. 39]. Глаза ее изображены в виде «капельки» без зрачка. В целом облик лошади несколько гиперболизирован, и отражает, вероятно, какие-то мистические особенности животного в представлении мастера и заказчика, что подтверждает и условная линия – «хорда» в нижней части рисунка лошади.

Лошадь как бы только начинает движение, переходя от шага к рыси и двигаясь в левую сторону от зрителя. Грива ее аккуратно расчесана; хвост также расчесан, вероятно, подстрижен и перевязан посередине чем-то вроде ремешка или ленты, но не завязан узлом. По шее и брюху лошади художник изобразил узкую заштрихованную полосу – «хорду». Такой элемент встречен на изображениях фантастических львов на серебряной накладке на поясную сумочку из ритуального комплекса №19 древнемарийского Веселовского могильника. Погребение может быть датировано по инвентарю X в. [Никитина, 2012, с. 19, 63, 159, рис. 53.-1]. Узкая заштрихованная полоска имеется также на одном из изображений львов на блюде XI в. (?) из Салехардского музея, точнее, на большом льве. Это блюдо атрибутировано как болгарское [Сокровища, 2003, с. 60–61, кат. №24].

На шее животного имеются процарапанные геометрические фигуры: неправильной формы окружности, треугольники и прочее; какой-то системы в их расположении нет. Аналогичные рисунки имеются на колене, бедре и ягодице коня. Две более крупные окружности – на крупе, правую из которых пересекает прямая линия, завершающаяся треугольником острием вниз (стрела?). Нижняя часть линии упирается в ремень (см. рис. 1).

Ремни оголовья лошади не изображены, но показаны изогнутые S-видные псалии с окончаниями в виде «сапожков». Удилам с такими псалиями имеются археологические аналоги, например железные удила из катакомбных погребений-106 и 115 Дмитриевского могильника IX в. [Плетнева, 1989, с. 82, рис. 38, №106, 115]. В катакомбе-106 были также обнаружены стремяна, а в тайнике – позолоченный сбруйный набор [Плетнева, 1989, с. 230]. Практически аналогичные псалии встречены в Хусаиновских и Каранаевских курганах IX–X вв. на Южном Урале, а также в Больше-Тиганском могильнике в Татарстане (погребение-12) [Мажитов, 1981, с. 44, 106, рис. 22.-9; 57.-14; Chalikova, Chalikov, 1981, s. 108, taf. X.-25].

Художником детально проработаны изображения нагрудного и подхвостного ремней. На них показаны прикрепленные подвески сердцевидной формы: четыре – на одном ремне и три – на другом. Форма подвесок фигурная, что отличает их от подвесок, которые встречаются на других поделках этого времени с изображением всадника. Там они обычно круглой формы или листовидной, что имеет археологические аналогии [Плетнева, 1989, с. 86, 87, рис. 41, 42, катакомба-106 Дмитриевского могильника]. Датируются эти археологические аналогии 2-й половиной IX – первыми годами X в. [Плетнева, 1989, с. 172]. В целом данный элемент часто встречается как украшение конского снаряжения Западной Хазарии – в низовьях Дона и Северского Донца (Дмитриевский и Верхнесалтовский могильники) [Аксенов, 2005, с. 258, рис. 8.-3]. В большей степени эти материалы датируются IX в. Данный элемент очень примечателен, поскольку присутствует не на всех изображениях всадников, как, например, на центральном медальоне блюда из собрания Ямало-Ненецкого окружного музей-

но-выставочного комплекса им. И.С. Шишмановского (г. Салехард), датированного IX в. [Сокровища..., 2003, с. 57, кат. №22]. Однако отметим, что, как правило, в салтовских материалах присутствует еще и начельник, который ни разу не изображался на рассматриваемых изделиях.

На приводимом изображении портупейные ремни, пояс на всаднике и ремни конского снаряжения украшены накладками прямоугольной формы. Такие поясные накладки известны из раскопок погребения-3 кургана №2 Бекешевского I могильника [Мажитов, 1981, с. 59, рис. 31.-26]. Они показаны в виде прямоугольных пластин с округлым краем с продольным штрихом посередине. Аналогичный мотив имеется на круглой позолоченной пластине из впускного детского захоронения (погребение-32) кургана №3 Каранаевских курганов, а также, как и в данном случае, на нагрудном и подхвостном ремнях на лошади на упоминавшемся выше блюде из Салехардского музея [Мажитов, 1981, с. 108, рис. 58.-25; Сокровища..., 2003, с. 57, кат. №22]. Впрочем, эти же декоративные элементы используются при передаче перьев на хвосте птицы.

Такой художественный прием сохранялся достаточно долго уже в качестве художественной традиции. Например, он использовался при изображении человека-птицы на серебряной чаше из Большого Аникова с арабской надписью (рис. 5), которая Б.И. Маршаком отнесена к торевтике Мавераннахра IX–X в. [Шедевры..., 1990, с. 12, кат. №11; Даркевич, 1976, с. 29, табл. 29, кат. №42]. Истоки этого мотива можно соотнести с лепестковым орнаментом на фергано-семиреченской группе серебряных сосудов (по В.П. Даркевичу), появившемся там во 2-й половине VIII в. вместе с орнаментальным мотивом – три кружка на коротком стебельке [Даркевич, 1976, с. 87, рис. 11.-1–5], изображенные на крыле птицы и на тушке зайца. Скорее всего, данный мотив содержит некое условное содержание, хотя наличие реальных накладок как его прототипа допустимо (например, прямоугольные накладки с ребром посередине, с окончанием «ласточкин хвост» и острием в виде широкого треугольника из погребения-9 Больше-Тиганского могильника [Chalikova, Chalikov, 1981, s. 106, taf. VIII.-10]).

Всадник на рассматриваемой накладке показан в фас – широкие плечи развернуты к зрителю, а голова чуть повернута влево, куда направлен взгляд: вперед – налево. На чуть согнутой левой руке на специальной перчатке сидит хищная птица. Правая рука согнута в локте, кисть сжата в кулак на уровне лица. В кулаке зажаты поводья (рис. 4). Этот жест (захват поводьев) встречен также и на ряде других изображений всадников на чашах и блюдах «венгерского круга».

Голова всадника (см. рис. 1 и 4) непропорционально большая – составляет 1 : 2,5 по отношению к туловищу. Лицо крупное широкое, с большими узкими изогнутыми дугой бровями, аккуратным острым носом, большими открытыми глазами с круглыми зрачками и небольшим приоткрытым ртом (видны зубы). Уши маленькие. Бородка всадника аккуратно подстрижена, усов нет, подбородок и щеки тщательно выбриты, оставлены только бакенбарды. Волосы зачесаны назад и большей частью скрыты под головным убором в виде низкой цилиндрической шапочки, сшитой из меховых (?) полосок (ткань и кожу художник изображал гладкой поверхностью; ткань с орнаментом отмечал гравированными линиями; перья – чешуйками, волосы – вертикальными прямыми линиями, а мех – скорее всего, вертикальными линиями и мелкими волнами-чешуйками между ними). По антропологическому типу данное изображение похоже на лицо всадника с блюда Салехардского музея [Сокровища..., 2003, с. 57, кат. №22] (рис. 6).

Рис. 4. Полусферическая накладка с изображением всадника.
Деталь. Верхняя часть накладки

На лице изображенного всадника заметны процарапанные острым предметом миниатюрные окружности, треугольники и трапеции (рис. 4). Линии неровные, угловатые, иногда прерывистые. Расположены они по кругу: треугольник и трапеция – снизу от глаз; окружности – вокруг рта (три на щеках и одна на подбородке, и еще одна на крыле носа). Такие рисунки, правда, в разных вариантах, чаще всего более сложных и разнообразных, характерны для древнего населения Зауралья [Федорова, 2014, с. 90–99].

Всадник одет в верхний распашной длиннополый кафтан, узкий, приталенный, с глубоким «левым» запахом (правая полá перекрывает левую) (см. рис. 1). Кафтан в верхней части плотно облегает тело всадника, воротника нет, при этом показаны два отворота: верхние углы бортов центрального разреза отогнуты наружу (см. рис.см. 4). Отвороты у кафтана разные: правый – треугольный остроугольный, левый – также треугольный, но с небольшим выступом, вероятно, для застегивания. Не очень ясно, как застегивался кафтан в верхней части: петель и пуговиц не видно, но, учитывая глубокий разрез, это могли быть воздушные петли по краю и небольшие кожаные пуговицы. Рукава кафтана узкие, плотно облегающие предплечье. Как уже упоминалось, на правую кисть всадника надета охотничья перчатка. Нижняя половина кафтана не застегивалась, имела свободный запах и была, вероятно, немного расклешена. Подол халата и левый отворот окантованы широкой лентой с волнистым орнаментом.

Поверхность халата покрыта линиями, как будто складками. Можно предположить, что этот декор верхнего кафтана – его шелковая отделка. Чаще всего, как показывают материалы Мощевой балки, шелк нашивался на полотняную основу кафтана и обшивался кайма́ми, тоже из шелка [Иерусалимская, 2012, с. 215, ил. 132а], в данном случае по подолу. На значимость конструкции верхнего кафтана обратила внимание А.А. Иерусалимская. По ее мнению, «левый» запах и два отворота воротника тесно связаны с Ираном и Средней Азией, в том числе Согдом, и имеют эфталитскую традицию [Иерусалимская, 2012, с. 222, 240]. На подоле заметно несколько процарапанных ромбиков.

Рис. 5. Чаша. Серебро. Малое Аниково. Мавераннахр.
IX–X вв. (по: [Даркевич, 1976, табл. 29])

Нижняя одежда – скорее всего, рубаха с небольшим стоячим воротником, который мог быть сделан из кожи. Кафтан перехвачен поясом, к которому подвешена сабля в ножнах. На ногах – остроносые кожаные сапоги с мягкой подошвой, на голенище сбоку показана волнообразная линия. Остроносые сапожки, сшитые из одного куска кожи, встречены в могильнике Мощевая Балка VIII–IX вв. [Иерусалимская, 2012, с. 232–233].

Костюм всадника (за исключением головного убора) похож на изображение одежды наездника на Салехардском блюде (рис. 6). Но здесь кафтан двубортный, с «правым» запáхом, но в остальном крой аналогичный: узкие рукава, перчатка на правой руке (на рисунке на рассматриваемой накладке – на левой).

Рис. 6. Центральный медальон блюда с изображением всадника.
Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского
Ямало-Ненецкого автономного округа. Серебро, IX в. (по: [Сокровища ..., 2003, №22])

Из экипировки всадника изображена только сабля в ножнах (см. рис. 3). У рукояти сабли имеется грибовидный набалдашник, ладьевидная крестовина с шишковидными окончаниями. Клинок слабоизогнутый, что характерно для сабель «хазарского» или «венгерского» типов. Почти идентичный аналог имеется в погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника, а также в погребении-52 могильника Мыдлань Шайв

Удмуртии, которое по инвентарю может быть датировано IX в. [Генинг, 1962, с. 29, табл. XIII.-5; Chalikova, Chalikov, 1981, s. 116, 121, taf. XVIII.-8; XXIII.-22]. Крестовина сабли с шаровидными окончаниями встречена на саблях из трупосожжений IX в. могильника Дюрсо, а также в Больше-Тиганском могильнике в погребениях-6, 8, 9, 12, 28, 33 [Дмитриев, 2003, с. 257, табл. 90.-29, 33, 47; Chalikova, Chalikov, 1981, s. 103, 105, 106, 108, 121, 124, taf. V.-21; VII.-20; VIII.-7; X.-28; XXIII.-22; XXVI.-11]. Грибовидные набалдашники встречаются у палашей в салтовских могильниках 2-й половины VIII – IX в. [Кочевники, 2012, с. 210, кат. №567]. Аналогичное оформление имеется у сабель «венгерского типа» в Паннонии и Балканах начала X в. [Iotov, 2008, с. 330, 331, fig. 2; 3–8]. Ножны с арочными скобами-петлями и наконечником с грибовидным (как у рукояти) завершением и верхней частью, оформленной в виде «ласточкина хвоста». Практически такие ножны имеются в уже упоминаемых погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника.

На левой руке наездника сидит большая хищная птица (см. рис. 4). Скорее всего, это ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis L.*) – самый крупный представитель рода ястребов, вес которых достигает килограмма и более. Крылья изображенной птицы короткие, но хвост длинный. Использовались большие ястребы чаще всего в промысловой охоте. Образ птицы дополнен художественно-декоративными деталями: на крыле показан изящный завиток, завершающийся тремя кружочками, смыкающийся с узкой декоративной ленточкой, пересекающей крыло сверху вниз и заполненной мелкими кружочками. Однако в деталях изображение весьма реалистично. Аналогичное положение птицы на Салехардском блюде, причем по внешним признакам (кроме оформления оперенья) она также относится к ястребиным (см. рис. 6).

Под брюхом лошади, у передней правой ноги, изображен бегущий заяц, с коротким хвостом и длинными ушами. У груди коня и у спины птицы имеются рисунки пальметт.

Самые близкие аналогии в археологических материалах деталям данного изображения обнаруживаются в Больше-Тиганском могильнике в Татарстане, основная масса захоронений в котором относятся ко 2-й половине IX – началу – 1-й трети X в. [Казанков, 1992, с. 76, 77]. Сюжет, элементы оформления и иконография обнаруживают связь с изделиями так называемого урало-венгерского круга, в частности с изображениями на двух блюдах с изображением всадника из находок на полуострове Ямал [Сокровища, 2003, с. 53, 56, кат. №19, 21] (рис. 7 и 8). Датированы они IX–X вв. Имеются близкие по деталям изображения серебряные сосуды IX–X вв. из собрания Эрмитажа, например, утемильское блюдо [Смирнов, 1909, табл., LXXXVII.-№157; Артамонов, 1962, с. 261].

Датировка рассматриваемой накладки вполне очевидна и устанавливается по аналогиям с археологическими материалами. Это прежде всего форма псалий, оформление сабли и ножен. Исходя из этого, время создания данной композиции можно определить 2-й половиной IX – 1-й третью X в. Не противоречит этому мотив из линии с тремя точками, как и пальметты, изображенные по краям бляхи. Они встречаются на согдийской серебряной посуде IX в. школы «В», по Б.И. Маршаку [1971, с. 42–44]. При этом стоит отметить, что общая композиция «всадник с птицей и бегущими рядом животными» имеет широчайшее распространение и не связана напрямую с какой-то этнической и даже культурной средой. Для IX–XI вв. можно выделить несколько ареалов бытования этого сюжета: юг Европы; Средняя Азия и Иран; Прикамье, Венгрия и Предкавказье.

Рис. 7. Блюдо с изображением всадника. Серебро, IX–X вв. Фрагмент. Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского Ямало-Ненецкого автономного округа (по: [Сокровища..., 2003, №19])

Рис. 8. Блюдо с изображением всадника в доспехах. Серебро, IX в. Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского Ямало-Ненецкого автономного округа (по: [Сокровища..., 2003, №21])

Вместе с тем необходимо подчеркнуть и безусловную оригинальность рисунка на накладке. Это особенно хорошо видно в сравнении с изделиями хазарских мастеров с изображениями всадников (рис. 10 и 11). Они изготовлены в то же время, что и рассматриваемая накладка, и в пределах одного государства. Трактовка фигур всадников здесь совершенно иная: они более статичны, пропорции соблюдены, да и в целом изображения выглядят более реалистичными. Трудно судить, насколько соответствует антропологический тип всадника реальным хазарам, но точно можно сказать, что он не аналогичен изображениям на нашей накладке. Однако ряд мелких деталей совпадают достаточно точно – это стремяна и удила (рис. 10). Причем удила на одном из хазарских изображений имеют иную конструкцию, чем у нашего всадника: у них стержневидные псалии (рис. 11).

В целом эти рисунки по своим деталям близки изображениям на костяных декоративных пластинах VII в. н.э. из Шиловского кургана на Средней Волге [Путешествие, 2016, с. 242–245, №172]. Несмотря на разницу во времени изготовления и в периоде бытования, совпадения весьма интересны и значимы. Это касается, например, завязанных узлом хвостов коней, изображений зайцев, копий с флажками и т.п. Об этих пластинах написано достаточно много, и мнения о месте их производства весьма разнообразны. Учитывая географию таких находок VII в. н.э. – Поволжье и Предкавказье, вполне реально заметить в них творение согдийского мастера, выполненное для заказчика из хазарской элиты. Это в какой-то мере подсказывает и возможные истоки художественных сюжетов и образов, а также их трактовки на накладке со всадником, ставшей объектом нашего внимания.

Оригинальность хазарского искусства демонстрирует симбиоз разных художественных направлений внутри обширного государства, хотя собственно хазарские образы далеки от того, что демонстрируют элитные предметы, наподобие отмеченных нами выше. Однако и в более простых «демократичных» изделиях можно найти некоторые элементы сходства с накладкой со всадником. Речь идет о серебряных с позолотой накладках на поясную сумочку, небольшого размера (11,5–12,2 x 7–9,1 см), с железной подложкой (рис. 12–14). Сумочки с подобными накладками встречаются достаточно широко на памятниках IX – начала XI в. в Прикамье, в меньшем количестве и в ином конструктивном решении – на Средней Волге (у болгар), в оригинальных формах – в древнемарийских могильниках, в основном в Поволжье, и в массовом порядке – в Паннонии в мадьярских могильниках IX–X вв.

Одна из таких накладок (рис. 12) особенно интересна в контексте изучения нашего изделия. На ней на двух половинках изобразительного поля нанесены рисунки, покрытые позолотой: слева сверху – всадник с копьем на коне, под ним – крупное животное, похожее на большую дикую кошку (гепард или леопард), внизу под ним – еще какое-то существо. Справа сверху изображена фигура в виде трилистника, которую двумя руками поддерживает или подбрасывает антропоморфное существо, балансирующее на голове фантастического животного. Сцены демонстрации физической доблести и силы вообще характерны для хазарского искусства. Их, например, можно видеть в одном из медальонов на упомянутом выше серебряном сосуде (см. рис. 9). Очевидно, что рисунок на пластине отражает какой-то мифологический или космологический сюжет.

Рис. 9. Сосуд с изображениями. Серебро. IX–X в. Хазария.
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №190])

Рис. 10. Сосуд с изображениями. Серебро. IX–X в.
Хазария. Деталь. Изображение «сокольничего»

Рис. 11. Сосуд с изображениями. Серебро. IX–X в.
Хазария. Деталь. Стреляющий охотник

Рисунки на пластине, несмотря на узнаваемые образы, достаточно необычны. Так, если взять фигуру всадника, то обнаружим, что самой реалистичной частью этого изображения является лошадь, точнее, ее экипировка: можно различить поводья, подпругу, попону и т.д. В принципе и сама лошадь вполне соответствует виду этого животного, кроме огромных ушей, отсутствия гривы и неестественных конечностей. На спине лошади сидит без седла антропоморфное существо. На нем – плотно обтягивающая тело одежда и остроносые сапоги с коротким голенищем. У существа имеется большой колчан с выступающими из него наконечниками стрел, имеющий точные аналоги в археологических материалах [Плетнева, 1967, с. 159, рис. 43.-18]. Однако, как ни странно, колчан изображен как бы прозрачным: контур его пересекает фигуру наездника, не заслоняя ее. Тем не менее на колчане заметен орнамент в виде кружочков, идущих сверху вниз. При этом лука, как и другого вооружения, у всадника нет. Еще большей странностью отличается голова наездника – маленькая, похожая на птичью, с одним круглым глазом и небольшим хохолком сверху. Плечи «призрачного всадника» развернуты в фас (голова – в профиль).

Правая рука, судя по ее положению, должна была бы удерживать повод, однако последний свободно провисает и, более того, перекинут через шею всадника и свешивается вниз. Этой рукой он как бы ловит упущенный повод широко раскрытой ладонью,

при этом можно различить даже пальцы кисти. Левая рука поднята и согнута в локте. Она как бы придерживает (или отталкивает, или поднимает – трактовок этого положения руки может быть много) некий сигарообразный предмет с коническим окончанием, ограниченным узкой штрихованной полоской от основной части, украшенной мелкими кружочками. Вполне вероятно, что это копье гипертрофированных размеров с развевающимся флажком (бунчуком) у наконечника. На эту трактовку наводят изображения раннесредневековых воинов, например, на Сулекской писанице [Артамонов, 1962, с. 210]. Вместе с тем можно этот элемент трактовать и как змееподобное существо, которое атакует всадника. Длинное туловище и голова ромбической формы не противоречат этой версии. Атака эта могла быть внезапной, поскольку создается впечатление, что всадник пытается «пришпорить» коня (хотя при этом совершенно не помогает себе поводьями), чтобы уйти от агрессивного противника.

Рис. 12. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Предуралье (?).
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №253])

Интересно сравнить это изображение с другим антропоморфным персонажем на правой половине пластины. Человеческая сущность его более понятна: голова и туловище вполне соответствуют параметрам человека. Схематичное, но все же лицо с вы-

ступающим носом, без сомнения, принадлежит человеку. При этом можно различить на голове этого персонажа развевающиеся косички, а на макушке – шапочку. Более того, имеются точные аналогии такой трактовке человеческой головы – на сулекских рисунках и изображениях на меловых блоках с Маяцкого городища [Артамонов, 1962, с. 210; Плетнева, 2000, рис. 39]. Левая рука, воздетая вверх, показана с раскрытой ладонью, а правая вообще без кисти. Фигура антропоморфа одета в кафтан поверх нижней рубахи, заправленной в штаны. У кафтана короткие рукава, имеется воротник (?); подол длиной до середины бедер. В талии кафтан перехвачен широким поясом, судя по его ширине, из ткани. Ноги в штанах широко расставлены; нижняя часть штанов заправлена в сапоги с длинными узкими носами и голенищем до колен. При этом положение ног по отношению к туловищу выглядит неестественно: они развернуты в одну сторону, а корпус туловища – в другую.

Фигура леопарда (или гепарда) передана очень динамично и художественно. Туловище грациозно изогнуто: спина выгнута, хвост поднят вверх, голова повернута назад. Пропорционально и в анатомическом соответствии показаны круглые ушки зверя, усы, широкий нос. Декоративные кружочки создают впечатление естественной пятнистой шкуры. Диссонируют с этим «реализмом» узкие заштрихованные полоски на туловище, шее и ногах существа. Еще большей оригинальностью обладает и расположенное напротив рассмотренного леопарда странное существо, напоминающее большую собаку или карликовую лошадь (судя по гриве) с огромной лохматой головой. При этом голова и шея этого «конька-горбунка» покрыта густой шерстью с отросшей гривой, а вот туловище и ноги имеют гладкую кожу и такой же «голый» хвост, который поднят вверх и загнут крючком, как у собаки, при этом окончание хвоста напоминает голову хищной птицы с большим клювом. Не очень понятны элементы рисунка над головой антропоморфа, изображенного с правой стороны, как и запутанная композиция справа внизу накладки.

Отметим изображения пальметт на другой накладке на сумочку (рис. 13). Здесь на поверхность нанесен симметричный рисунок: на правой и левой сторонах имеются изображения льва (внизу) и стилизованного растительного побега, состоящего из двух симметричных отростков-лепестков. Последний орнаментальный мотив сильно стилизован и упрощен, но в нем уверенно угадывается исходный мотив пальметты, как, например, в рисунке на серебряной бляхе из Каранаевских курганов на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 108, рис. 58.-25]. В данном случае побег состоит из двух частей. Первая, постепенно расширяясь, расходится в два листа, развернутых по отношению друг к другу на 180°. Каждый листок заканчивается округлым завитком. Выпуклая сторона лепестка образована длинной плавной линией, внутренняя – короткой, резко изогнутой линией. Края листочков обведены еще одной линией, пространство между которыми заштриховано. Вторая часть – бутон цветка, напоминающего лотос, примыкающий ко второму лепестку. В целом такие растительные мотивы, имеющие китайские истоки (период Тан), были широко распространены в тюркитике Южной Сибири, Средней Азии и Восточного Ирана во 2-й половине VIII – IX в. [Маршак, 1971, с. 52, рис. 25; Даркевич, 1976, с. 72, рис. 5].

В этом изображении тоже заметен «согдийский след». Речь идет о стилизованных фигурах львов, выполненных по одной композиционной схеме: плоская фигура животного в профиль с поворотом головы назад. Фигура бегущего льва показана доста-

точно динамично: лапы напряжены, хвост, заканчивающийся массивной кисточкой, поднят вверх, голова повернута назад. Туловище животного покрыто густой шерстью, переданной мелкими горизонтальными насечками, расположенными вертикальными полосами. Грива короткая. На морде различимы миндалевидные глаза; остальные детали не проработаны. Пасть льва раскрыта. Лапы большие, массивные. Фигуры львов и растительных побегов позолочены.

Рис. 13. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Предуралье (?).
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №251])

Отметим, что рисунки животных на этой пластине различаются в деталях: форма ушей, пропорции морды, грива. Можно предположить, что художник таким образом изобразил льва (слева) и львицу (справа). Точных аналогий таким рисункам найти не удалось. Скорее всего, здесь прототипами являлись восточноиранские изделия с сюжетами сцен «терзания» с изображениями львов, или же, что более вероятно, это были согдийские изделия (школа «А», по Б.А. Маршаку), также в ряде случаев украшавшиеся такими рисунками [Маршак, 1971, рис. 8, т. 29]. В этой связи упомянем недавно опубликованную находку серебряной пластины с согдийским сюжетом [Бауло, 2013, с. 123–128], близкой рассматриваемой накладке со всадником.

Рис. 14. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Предуралье (?).
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №252])

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что данное изделие изготовлено в Южном Предуралье и датируется по аналогиям 2-й половиной IX – 1-й третью X в. Очевидно, что оно использовалось вторично – отсюда рисунки палимпсесты и дополнительно пробитые отверстия.

Библиографический список

- Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья: Хазарское время. Т. 4. Донецк : Изд-во ДНУ, 2005. С. 245–260.
- Артамонов М.И. История хазар. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
- Багрянородный К. Об управлении империей. М. : Наука, 1989. 496 с.
- Бауло А.В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 123–128.
- Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай: Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск : Удм. республ. краевед. музей, 1962. 140 с.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М. : Наука, 1976. 195 с.
- Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М. : Наука, 2003. С. 200–206.

Иерусалимская А.А. Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии (Этапы этнокультурной истории). М. : Наука, 1992. 334 с.

Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Славия, 2012. 272 с.

Ливанова Т.К., Ливанова М.А. Все о лошади. М. : АСТ-ПРЕСС СКД, 2006. 384 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М. : Главн. ред. вост. лит-ры : Наука, 1971. 156 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья: Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань : ИИ АН РТ, 2012. 408 с.

Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1. С. 144–150.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М. : Наука, 1967. 200 с.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Иерусалим ; М. : Мосты культуры, 2000. 240 с.

Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М. : Издат. дом Марджани, 2016. 560 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань : РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Руденко К.А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 58–74.

Смирнов И.Я. Восточное серебро: атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи (Издание Императорской археологической комиссии ко дню 50-летия ее деятельности). СПб., 1909. 7 с. + 130 табл.

Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард ; СПб., 2003. 96 с.

Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1 (57). С. 90–99.

Шедевры исламского искусства в Эрмитаже СССР. Кувейт : Daral-atharal-islamiyyan, 1990. 167 с.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarnan der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani): Régészeti Füzetek. Ser. II. No 21. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 s.

Iotov V. A note on the “hungarian sabers” of Medieval Bulgaria // Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / Curta F., Kovalev R. (ed.). Leiden – Boston : Brill, 2008. 503 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2). P. 327–338.

K.A. Rudenko

RARE ARTEFAKTS OF THE KHAZAR KHAGANATE EPOCH (notes about khazar-hungarian art)

The article considers unique finds of the Khazar Khanate-9 epoch [the 9th – the beginning of the 10th centuries AD). It is a round overlay with the image of the horseman (hunter) with the hawk on his left hand. The comparison with other images of horsemen on silver bowls and dishes, dated 9–10th centuries showed that the given drawing is made by a Hungarian artist in the 9th century. It is possible to assume that the overlay shows the real but not an imaginary person. Details of clothes and equipment of a horse have absolute archaeological conformity. Horsemen are shown on some other products. These are overlays on a handbag made by the Khazaria handicraftsmen. On one of them, there is an image of the fantastic horseman. Horse hunters are shown on unique silver vessel of the 10th century. The plot is very close to drawing on the overlay with the horseman, but images on the vessel are very realistic. Even details of horse equipment differ. The vessel from Khazaria is probably made by the jeweler of Sogd in the end of 9th – first half of the 10th centuries. Considering other finds which can

be connected with Hazaria, for example, bone overlays with the image of a dragon from the barrow at village Shilovka in the Ulyanovsk region, it is possible to assume that the part of art products of the Khazar Khanate was made by jewellers of Sogd.

Key words: archeology, Great Hungary, khazar, Khazaria, Khazarkhaganate, Ural Mountains, Volga, Medieval art.

References

Aksenov V.S. Kompleksy konskogo snaryazheniya saltovskogo vremeni s nachel'nikami (po materialam Verkhnesaltovskogo katakombnogo mogil'nika) [The Sets of the Horse Equipment of the Saltov Time (based on the Verkhnesaltovskiy Catacomb Burial)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya: Khazarskoe vremya. T. 4 / gl. red. A.V. Evglevskiy* [Steppes of Europe in the Middle Ages: the Khazar Time. Vol. 4 / Ch. Ed. A.V. Yevglevskiy]. Donetsk : Izd-vo DNU, 2005. Pp. 245–260.

Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. L. : Izd-vo GE, 1962. 524 p.

Bagryanorodnyy K. *Ob upravlenii imperiy* [About the Management of the Empire]. M. : Nauka, 1989. 496 p.

Baulo A.V. *Bez litsa: serebryanaya blyakha s vostochnykh sklonov Urala* [Face off: Silver Plaque from the Eastern Slopes of the Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2013. №4 (56). Pp. 123–128.

Gening V.F. *Drevneudmurtskiy mogil'nik Mydlan'-shay: Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 3 / otv. red. E.G. Surov* [Ancient Burial Mydlan Udmurt-shay: Questions of Archaology of the Urals. Vol. 3 / Ch. Ed. E.G. Surov]. Sverdlovsk : Udm. republ. kraeved. muzey, 1962. 140 p.

Darkevich V.P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Art Metal of the East in the 8–13th Centuries. The Works of the the Eastern Toreutics on the Territory of the European Part of the USSR and the Urals]. M. : Nauka, 1976. 195 p.

Dmitriev A.V. *Mogil'nik Dyurso – etalonnnyy pamyatnik drevnostey V–IX vekov* [The Durso Burial – Model Monument of the 5–9th centuries]. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka / otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva* [Crimea, the North-Eastern Black Sea Region and the Caucasus in the Middle Ages: 4–13th Century / Ch. Ed. T. I. Makarova, S.A. Pletnev]. M. : Nauka, 2003. Pp. 200–206.

Ierusalimskaya A.A. *Moshchevaya Balka: neobychnnyy arkheologicheskyy pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti* [Relics Beam: Unusual Archaeological Site in the North Caucasian Silk Road]. SPb. : Izd-vo GE, 2012. 384 p.

Kazakov E.P. *Kul'tura ranney Volzhskoy Bulgarii (Etapy etnokul'turnoy istorii)* [The Culture of the Early Volga Bulgaria (Stages of Ethnocultural History)]. M. : Nauka, 1992. 334 p.

Kochevniki Evrazii na puti k Imperii. *Iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki* [Nomads of Eurasia on the Way to the Empire. From the State Hermitage Collection. The Exhibition Catalog]. SPb. : Slaviya, 2012. 272 p.

Livanova T.K., Livanova M.A. *Vse o loshadi* [All about Horses]. M. : AST-PRESS SKD, 2006. 384 p.

Mazhitov N.A. *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [The Mounds of Southern Urals 8–12th Centuries]. M. : Nauka, 1981. 164 p.

Marshak B.I. *Sogdiyskoe srebro. Ocherki po vostochnoy torevtike* [Sughd Silver. Essays on Eastern Toreutics]. M. : Glavn. red. vost. lit-ry : Nauka, 1971. 156 p.

Nikitina T.B. *Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya: Arkheologiya evraziyskikh stepey. Vyp. 14* [Funerary Monuments of the 9–11th Centuries. Vetluzhsky-Vyatka mezhdurech'ya: Archaeology of the Eurasian steppes. Vol. 14]. *Kazan' : II AN RT*, 2012. 408 p.

Pastushenko I.Yu. *Vozmozhno li govorit' ob "ugorskoy epokhe v Prikam'e"* [Is it Possible to Speak of "Ugric Era in the Kama Region?"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2011. Vyp. 1 [Bulletin of Udmurt University. 2011. Issue 1]. Pp. 144–150.

Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura* [From Nomads to the Cities. Saltovo-Mayatskaya Culture]. M. : Nauka, 1967. 200 p.

Pletneva S.A. *Ocherki khazarskoy arkheologii. Ierusalim* [Essays on Khazar Archaeology. Jerusalem]. M. : Mosty kul'tury, 2000. 240 p.

Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki [Travel of Ibn Fadlan: the Volga route from Baghdad to Bulgar. The Exhibition Catalog]. M. : Izdat. dom Mardzhani, 2016. 560 p.

Rudenko K.A. Istoriya arkhеologicheskogo izucheniya Volzhskoy Bulgarii (X – nachalo XIII v.) [The History of Archaeological Study of the Volga Bulgaria (10th – the beginning of the 13th century)]. Kazan' : RITs "Shkola", 2014. 768 p.

Rudenko K.A. O kharaktere vzaimootnosheniy kochevykh ugrov i osedlogo naseleniya Srednego Povolzh'ya v "epokhu velikogo pereseleniya narodov" (po materialam Tetyushskogo II gorodishcha v Tatarstane) [The Nature of Relations between Nomadic Ugric Peoples and Settled Population of the Middle Volga in the "Era of the Great Migration of Peoples" (Based on Tetyushskoe II Settlement in Tatarstan)]. Teoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. №2 (8). Pp. 58–74.

Smirnov I.Ya. Vostochnoe srebro: atlas drevney serebryanoy i zolotoy posudy vostochnogo proiskhozhdeniya, naydennoy preimushchestvenno v predelakh Rossiyskoy imperii (Izдание Imperatorskoy arkhеologicheskoy komissii ko dnyu 50-letiya ee deyatel'nosti) [East Silver: Atlas of Ancient Silver and Gold Utensils of Eastern Origin, Found Mainly within the Russian Empire (Publication of the Imperial Archaeological Commission on the Day of the 50th Anniversary of its activity)]. SPb., 1909. 7 p. + 130 tabl.

Sokrovishcha Priob'ya. Zapadnaya Sibir' na tovgovykh putyakh srednevekov'ya. Katalog vystavki [Treasures of the Ob. Western Siberia on the Trade Routes of the Middle Ages. The Exhibition Catalog]. Salekhard ; SPb., 2003. 96 p.

Fedorova N.V. Risunki na metalle: graficheskoe iskusstvo naseleniya severa Zapadnoy Sibiri i Predural'ya [Figures on the Metal: Graphic Art of the Population of the North of Western Siberia and the Urals]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. №1 (57)]. Pp. 90–99.

Shedevry islamskogo iskusstva v Ermitazhe SSSR [Masterpieces of Islamic Art at the Hermitage of the USSR]. Kuveyt : Daral-atharal-islamiyyan, 1990. 167 p.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarnan der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani): Régészeti Füzetek. Ser. II. No 21. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 p.

Iotov V. A note on the "hungarian sabers" of Medieval Bulgaria. Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / Curta F., Kovalev R. (ed.). Leiden – Boston : Brill, 2008. 503 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2). Pp. 327–338.